А.А. Герман

ПАРТИЙНО-СОВЕТСКАЯ НОМЕНКЛАТУРА РЕСПУБЛИКИ НЕМЦЕВ ПОВОЛЖЬЯ

A.A. German

The Party-State Nomenclature for the Volga German Republic

Приход к власти в России партии большевиков, исповедовавшей социалистические идеи и радикальные пути перехода к новому общественному строю, привел к величайшему нарушению преемственности в плане перестройки социополитического порядка, изменения политической легитимности элит и структуры социальной иерархии. Процесс установления новой системы властных отношений сопровождался устранением и истреблением значительной части правившей в царской России элитной группы. Ей на смену пришла номенклатура большевистской партии. Она представляла собой совершенно уникальную разновидность правящего класса, ядром которого являлись представители высшей партийной бюрократии, в значительной степени состоявшей из непролетарских элементов старого общества.

Партийно-советская номенклатура была организована в соответствии с новыми принципами иерархии. Основой ее успешного функционирования стало практически полная утрата основными слоями населения собственной экономической базы, частной собственности, а потому – полная зависимость от государства и его органов, находившихся в руках этой номенклатуры. Чтобы удержаться у власти в условиях перманентного утопического эксперимента, большевистская номенклатура вынуждена была широко применять радикальные насильственные методы и использовать для этой цели армию, силы внутренней безопасности и порядка, причем не только по отношению к народу, но и к собственным членам, действия которых, как представлялось, могли нанести вред новой системе власти. Иного способа обеспечить функционирование своего режима большевистские вожди придумать не смогли.

Отмеченное выше в существенной мере относилось и к партийно-советской номенклатуре Республики Немцев Поволжья.

* * *

Первые руководители немецкой автономии на Волге, созданной в октябре 1918 г. (не считая присланных из Москвы иностранцев Эрнста Рейтера и Карла Петина) прошли типичный для большевистских руководителей того времени путь. Подавляющее их большинство было интеллигентами, еще до революции увлекшимися марксизмом

и верившими в возможность реализации его идей в России. Наиболее типичные фигуры – Густав Клингер, Адам Эмих, Александр Моор.

Г. Клингер получил экономическое образование. До Февральской революции являлся членом правления такой крупной акционерной кампании как «Коломенский машиностроительный завод» в Санкт-Петербурге, затем товарищества «Грингоф» в Саратове. В 1917 г. он – один из создателей и активных деятелей Союза немцев-социалистов Поволжья, член пробольшевистского Саратовского комитета этой организации[1].

Школьными учителями были А. Моор и А. Эмих. А. Моор прославился тем, что еще в 1913 г., будучи делегатом 1-го Всероссийского съезда по вопросам просвещения в Санкт-Петербурге от Новоузенского уезда Самарской губернии, выступил со смелой речью, затронув вопросы демократизации школьного образования и обучения детей немцев-колонистов, за что был уволен с запретом в дальнейшем занимать учительские должности. Революционной деятельностью начал заниматься в годы войны на Кавказском фронте. В 1917–1918 гг. занимал четкую большевистскую позицию[2].

Особо следует сказать об А. Эмихе. Он уже до революции был хорошо известен в Поволжье не только как учитель, но и как писатель. В 1917 г. стал издателем и редактором газеты "Der Kolonist" («Колонист») в Екатериненштадте (ныне – г. Маркс Саратовской области). Один из основателей и руководителей Союза немцев-социалистов Поволжья, член его ЦК. В отличие от Г. Клингера и А. Моора занимал более умеренные позиции, активно выступал за возрождение самоуправления и культуры поволжских немцев. Его позиция позднее была расценена как меньшевистская и националистическая[3].

Г. Клингер, А. Моор и А. Эмих стали членами Поволжского комиссариата по немецким делам, непосредственно участвовали в подготовке и создании Области немцев Поволжья в 1918 г.[4]

Вместе с большевиками-интеллигентами, число которых было ограниченным, к руководству областью постепенно приходили руководители «пролетарского» происхождения или «из бедняков». Их отличали малограмотность, весьма узкий кругозор, которые с лихвой компенсировался агрессивной напористостью и беспредельным большевистским фанатизмом, готовностью слепо выполнять все распоряжения центрального большевистского руководства, не задумываясь над их последствиями, неприязнь к «образованным». На первых порах эти две группы функционеров работали вместе, но по мере углубления противоречий политики «военного коммунизма» между ними все более назревал раскол, прежде всего в отношении к мероприятиям, проводившимся центральной властью.

В 1919–1920 гг. Область немцев Поволжья испытала жесточайший «продовольственный нажим», в ходе которого безжалостно изымалось практически все продовольствие[5]. По отношению к этим

мерам центра и разделилось мнение членов областного руководства. Четко обозначились «умеренные» и «радикалы».

Позицию «умеренных» характеризует приводимый ниже фрагмент выступления председателя облисполкома Адама Рейхерта 2 декабря 1919 г. на областном межведомственном совещании: «Крестьяне не могут дать тот наряд, который на них возложен облпродколлегией и Центром..., на месте уже брать нечего. Мы должны обсудить здесь этот вопрос всесторонне и должны сказать свое слово. Мы будем работать изо всех сил, будем работать честно, справедливо, как коммунисты, и дадим голодающему Центру все, что только сможем, сделаем все, что в наших силах. Там же, где мы бессильны помочь, мы скажем Центру ясно и определенно, что этого выполнить не в состоянии»[6]. А. Рейхерта на совещании и позднее активно поддержали Адам Эмих, Виктор Штромбергер, Генрих Кениг, Эдвард Гросс и другие. Все они – «из интеллигентов».

Оппоненты обвиняли их в «защите кулацких интересов», в «гнилом либерализме», требовали «приложить все усилия для выполнения продразверстки». Кто же оказался в рядах «радикалов»? Это – руководитель областной организации РКП(б) Петр Чагин, председатель областной ЧК Александр Дотц, военком области Генрих Шауфлер, облпродкомиссар Василий Каль, и другие «пролетарские» руководители[7].

Чем больше усложнялась ситуация в деревне, тем глубже становились разногласия в руководстве Области немцев Поволжья, они перерастают в открытый раскол, парализующий деятельность областного руководства.

Весьма примечателен путь разрешения конфликта, которым пошли «радикалы». Собрав втайне совещание своих сторонников (и назвав его совещанием «активных работников Трудкоммуны») они принимают решение об аресте «умеренных». 21 февраля 1920 г. областная ЧК осуществила этот арест. Всем арестованным было предъявлено обвинение в «срыве продовольственной работы» и «защите кулацких интересов». Аналогичные аресты «умеренных» были произведены и в уездных органах власти. В частности в Ровненском уезде под арест попал председатель местного исполкома Иоганн Шваб, будущий Председатель ЦИК АССР немцев Поволжья. Заодно «радикалы» арестовали и тех своих сторонников, кто выступал против ареста «умеренных»[8].

Массовые аресты партийных работников не могли не вызвать жалоб в ЦК РКП(б). Его действия по разрешению конфликта тоже заслуживают внимания. Арестованные были выпущены на свободу, а 4 октября 1920 г. Оргбюро ЦК принимает решение «о плановой переброске партийных работников области» в другие регионы. Под эту «переброску» попали как «умеренные», так и «радикалы». Взамен них в область на руководящие посты были присланы «добросовестные партийцы» русской, польской, украинской национально-

стей, которые еще ревностней, чем местные «радикалы», продолжили «выколачивать» продовольствие из немецких крестьян[9].

Политика «военного коммунизма» отрезвляюще подействовала на некоторых функционеров, прежде всего тех, кто и раньше критически относился к некоторым программным установкам большевиков. В частности, после выхода на свободу, осенью 1920 г., А. Эмих вышел из партии и отошел от политической деятельности. Однако большинство «интеллигентов» осталось в партии и продолжало участвовать в выполнении мероприятий власти, хотя очень часто подвергали те или иные решения центральных властей критике. Как могли, они пытались сгладить негативные воздействия решений центральных органов на местное население. В частности, большую полезную работу по преодолению последствий голода 1921–1922 гг. провел в Области немцев Поволжья А. Моор, занимавший в те годы пост председателя облисполкома[10].

Функционерам-интеллигентам благоприятствовала новая экономическая политика, в условиях которой находилось место для самостоятельности и творчества. Именно по этой причине в 1920-х гг. они занимали практически все ведущие посты в партийном и советском руководстве Республики Немцев Поволжья (была создана на основе автономной области в 1924 г.)[11]. Благодаря, не в последнюю очередь, их усилиям, шел быстрый процесс возрождения экономики, повышался уровень жизни населения, АССР НП проводила достаточно самостоятельную политику экономического и культурного сотрудничества с Германией и некоторыми другими зарубежными странами.

В то же время марксистские догмы и партийные установки довлели над руководителями АССР НП. Подчиняясь им, Иоганн Шваб, Вильгельм Курц, Генрих Кениг, Яков Суппес, Иоганн Шенфельд и многие другие тем самым приближали конец нэпа, а заодно и конец своего властвования. В то время в затылок им уже дышали и готовили серьезную конкуренцию функционеры «из пролетариев». Свои самые уязвимые качества – безграмотность и низкую общую культуру – они «подправили», закончив всевозможные курсы и совпартшколы. Это придало им еще большей уверенности в себе. Почти десять лет они, как им казалось, незаслуженно находились в тени «интеллигентов», а потому испытывали к ним не только старую неприязнь, но и ненависть, жаждали их падения и их крови. Последнее отмечено не случайно.

Вышедшие «из низов» функционеры еще в годы Гражданской войны приобрели богатый опыт расправ с неугодными, будь то открытый враг большевизма или крестьянин, не сдающий зерно по продразверстке, либо товарищ по партии, вставший на путь «оппортунизма». Их позицию как нельзя точнее выразил еще в 1919 г. на II облпартконференции П. Чагин, бывший тогда руководителем парторганизации области немцев Поволжья: «... Несмотря ни на

что, по горам мертвых тел, через кровь, слезы и мучения, по горам дымящихся развалин мы идем к новому миру трудового братства»[12].

При анализе действий и поступков этих функционеров все больше убеждаешься, что в 1930-е гг. для них важней всего были уже не интересы эфемерного «трудового братства», а личные карьерные соображения.

Развертывание с конца 1920-х гг. в ВКП(б) и во всей стране борьбы с «правыми» стало удобным поводом для постепенного смещения умеренных лидеров политической элиты АССР НП со всех высоких постов. С началом «развернутого наступления социализма по всему фронту» наступило время вторых стать первыми. К функционерам этой волны мы относим Вильгельма Вегнера, Христиана Горста, Александра Глейма, Евгения Фрешера и многих других.

В составе упомянутого выше ряда коммунистических функционеров особым догматизмом, жестокостью и непримиримостью отличался Адам Вельш. Как заведующий отделом областного комитета партии по работе в деревне, он непосредственно организовывал и проводил коллективизацию в селах Немреспублики. По его инициативе, при сильном давлении на делегатов, 1-й съезд колхозников принял ряд радикальных решений, которые при их реализации в последующие месяцы привели к мощному социальному взрыву в десятках немецких сел (конец декабря 1929 – январь 1930 гг.), вплоть до вооруженных восстаний и свержения советской власти. Так, в с. Мариенфельд почти на месяц была свергнута советская власть и осуществлялось крестьянское самоуправление, существовала самооборона, сумевшая отразить несколько атак подразделений НКВД РСФСР. В конце января это восстание, как и все другие выступления, были подавлены[13].

Основными причинами социального взрыва стало сопротивление немецких крестьян попытке их коммунизации (создания на основании решения съезда колхозников колхозов в форме трудовых коммун), то есть отъему всего их имущества, включая мелкий скот, птицу, домашнюю утварь, а также жесткое и повсеместное закрытие церквей и репрессии против священнослужителей (съезд колхозников постановил, немного немало, религию и церковь в Немреспублике «ликвидировать»).

После всех происшедших событий обком ВКП(б) вынужден был осудить решения съезда колхозников, назвав их «левым загибом»[14].

В 1930 г. в самый разгар коллективизации и раскулачивания А. Вельш написал и отправил в ЦК ВКП(б) пространный донос на «старых» руководителей АССР НП – И. Шваба, Г. Кенига, В. Курца и других. В доносе, собрав в кучу многочисленные факты и примеры за несколько лет, он пытался обосновать свой вывод о том, что «старые кадры» давно уже встали на антипартийный и антисоветский путь, развели «семейственность». Для создания видимости объективности, А. Вельш в заключительной части доноса говорил и

о некоторых собственных ошибках, допущенных в конце коллективизации, однако они выглядели невинной шалостью по сравнению с тяжелыми политическими обвинениями в адрес своих коллег по работе[15].

Донос был достаточно абсурден. В Москве это понимали, однако частично использовали его для «обновления» кадров в АССР НП. В течение 1929–1930 гг. постепенно «старые» кадры были вытеснены из руководства АССР НП. Они вроде как бы пошли на повышение – в Нижневолжский крайком ВКП(б) или даже в Москву, – но оказались там далеко не на первых ролях.

Самого А. Вельша тоже не оставили в Немреспублике и отправили на два года в Москву, учиться на очередных курсах марксизма-ленинизма. После их окончания в 1932 г. он вернулся в АССР НП и быстро сделал карьеру. С 1935 г. – он уже одновременно председатель ЦИК и Совнаркома АССР НП, с февраля 1936 г. – первый секретарь обкома ВКП(б), то есть высшее лицо партноменклатуры в Немреспублике. Здесь он смог уже развернуться в полную силу. Именно при его активной деятельности в партийной организации АССР НП и в среде ее руководства создалась смрадная атмосфера взаимной подозрительности, недоверия и страха друг перед другом. Всюду мерещились враги. Считалось доблестью «разоблачить» работавшего рядом с тобой коллегу. Широкое распространение получила практика взаимных доносов друг на друга. Пример показывал А. Вельш. В 1936 г. он направил в различные инстанции за пределы Немреспублики свыше 30 писем, информируя о «пробравшихся» туда «врагах народа» из АССР НП.

Приведем одно из таких писем:

«10.08.1936 г. В МК ВКП(б)

Немобком ВКП(б) считает необходимым сообщить о члене ВКП(б) Пауль А.Г., которая работает в настоящее время в редакции газеты «За коммунистическое просвещение». Будучи директором Немпединститута, она ездила в 1932 г. в Германию, как бы в научную командировку, а привезла оттуда контрреволюционную литературу и фашистов-студентов и преподавателей, которые вскоре были арестованы, а Пауль выбыла на работу в Москву.

Секретарь Немобкома ВКП(б) А. Вельш»[16].

Указанная в письме Анна Пауль, жена одного из первых секретарей обкома ВКП(б) того времени Х. Горста, сама была функционером того же типа, что и А. Вельш. Являясь в 1930 г. директором Немецкого педагогического института, она «обнаружила», «разоблачила» и разгромила «контрреволюционную группу» профессоров, в число которых попали такие известные и замечательные ученые как лингвист Георг Дингес, педагог Анатолий Сынопалов, археолог

Пауль Рау и другие[17].

Сегодня нам не дано узнать, понимали ли в то время люди типа Адама Вельша и Анны Пауль, что неся другим горе и смерть, они тем самым приближают и свой конец. Конец карьеры и жизни А. Вельша пришелся на 1937 г. Но наступил он не сразу. В феврале его сняли с должности первого секретаря за проявления «национализма», суть которого состояла в том, что А. Вельш пытался вывести парторганизацию Немреспублики из подчинения соседнего Саратовского обкома ВКП(б) и подчинить ее непосредственно ЦК ВКП(б)[18]. Председателем ЦИК АССР НП А. Вельшу удалось побыть всего лишь с февраля по август.

Изложенные выше факты позволяют заключить, что неотъемлемой составной частью «строительства социализма» в АССР немцев Поволжья стало развертывание массовых репрессий. Они были направлены не только против «классово чуждых элементов», но и против самих радикальных партийных и советских функционеров «из низов», которые фанатично и преданно выполняли на местах все указания и установки центра, претворяя в жизнь идеи примитивного сталинского казарменного социализма. Руководителей АССР НП и ее кантонов высшее партийное и советское СССР постоянно обвиняло в «потере бдительности», «классовой слепоте» и т. п. На всех уровнях – республиканском, кантональном, местном – шли непрерывные перетасовки кадров. С 1936 г. вместо старых обвинений функционерам все чаще предъявляются обвинения в измене делу социализма. Вместо перемещений с одной должности на другую следуют аресты и жестокие репрессии.

В августе-октябре 1937 г. по всей Немреспублике проводились массовые аресты руководящих партийных, советских и хозяйственных работников АССР НП. Арестованы были все члены бюро обкома партии (за исключением В. Далингера, который как работник НКВД сам организовывал и проводил эти аресты), председатель совнаркома Г. Люфт и почти весь состав правительства, председатель ЦИК АССР НП А. Вельш и большинство членов ЦИКа, прокурор АССР НП А. Скудра, многие директора заводов, фабрик, председатели колхозов, директора совхозов и МТС. Аресты дезорганизовали всю жизнедеятельность Немреспублики и ее партийной организации. Всего в 1937–1938 гг. было арестовано свыше 6,7 тыс. человек, из них расстреляно около 3,6 тыс.[19]

Немногие, кто уцелел и занял руководящие посты в 1937 г. (вроде уже упоминавшегося В. Далингера, ставшего председателем Совнаркома АССР НП) были сметены второй волной массовых арестов 1938 г. В 1936 – 1938 гг. были репрессированы и функционеры-«интеллигенты», работавшие в это время уже за пределами АССР немцев Поволжья.

К концу 1938 г. практически вся большевистская партийно-советская номенклатура АССР немцев Поволжья, зародившаяся в

годы революции и Гражданской войны, оказалась изъятой из общественно-политической жизни АССР немцев Поволжья и тех регионов СССР, где она функционировала. Значительная ее часть была уничтожена, другая – меньшая – на долгие годы осела в лагерях. Тотальные аресты привели к вакууму власти в нижних звеньях партийно-советской номенклатуры, его стали устранять, «смело выдвигая» на освободившиеся должности коммунистов и комсомольцев из низов. Так рождалась новая номенклатура.

Отличительной особенностью основной части выдвиженцев была относительная молодость (как правило, все они родились уже в XX в.), малограмотность и беспредельная преданность режиму (она еще усиливалась благодарностью за «оказанное доверие»). В то же время в их среде были кадры, получившие образование уже при советской власти, то есть, представители новой советской интеллигенции со всеми присущими ей чертами.

Всем этим людям уже не пришлось пачкать в крови руки. Главной сферой их деятельности стало все же созидание. Функционерами новой волны в АССР немцев Поволжья были, например: Конрад Гофман – председатель Верховного Совета АССР НП, человек без школьного образования, железнодорожник; Александр Гекман – председатель Совнаркома, 1908 г. рождения, в 1935 г. получил высшее образование (инженер); Давид Корбмахер – третий секретарь обкома ВКП(б), 1904 г. рождения, образование среднее[20].

Эти люди не успели развернуться и показать свои способности и возможности. Осенью 1941 г. они на общих основаниях вместе со всеми немцами Поволжья были депортированы в Сибирь и Казахстан, а чуть позднее, с начала 1942 г., как и большинство советских немцев в возрасте от 15 до 65 лет, были мобилизованы в «Трудовую армию» где часть их была репрессирована по сфабрикованным делам, либо умерла от истощения и голода[21].

Как только эти люди разделили участь своих соплеменников, их идеологические убеждения и вера в правильность политики сталинского режима стала быстро выветриваться. Практически все высшие руководители АССР НП последней волны в годы войны проходили по сводкам НКВД как допустившие антисоветские высказывания и «демонстрации». Последнее, в частности, относится к Д. Корбмахеру и А. Гекману. Они были исключены из партии за то, что перед отъездом в Сибирь устроили на местном рынке в г. Энгельсе «демонстративную распродажу» своего имущества. Г. Гофман, уже находясь в «трудовой армии» в Краслаге, оценивал выселение немцев из Поволжья и ликвидацию АССР немцев Поволжья как «ошибку»[22].

Некоторые из бывших партийно-советских функционеров шли еще дальше, заявляя, например, что в 1921 г. восставшие в области немцев Поволжья крестьяне «были не бандиты, а национальные герои»[23]. Подобные разговоры и поступки бывших номенклатурных работников ликвидированной немецкой автономии стали одним из

оснований для применения к ним репрессий.

Позднее именно эти уцелевшие функционеры, вместе с теми из «старых кадров», кто не был расстрелян в 1930-е гг. и остался в живых после 20 и более лет отсидки в лагерях (например, А. Кельн, арестованный в 1935 г., накануне «большого террора», и потому уцелевший) – составили ядро первых самодеятельных делегаций, выезжавших 1965 г. в Москву, встречавшихся с представителями руководства СССР (в частности, с Председателем Президиума Верховного Совета СССР А.И. Микояном) и ходатайствовавших о восстановление немецкой автономии на Волге. Поездки не принесли положительного результата. Попытки же этих групп продолжить свою борьбу были пресечены мерами партийного и государственного воздействия на активистов[24].

* * *

Таким образом, с определенной долей условности всю партийно-советскую номенклатуру АССР немцев Поволжья, функционировавшую в период существования автономии (1918 – 1941 гг.), можно разделить на три типа. Обозначим их так: 1) «Старые кадры» из интеллигенции, 2) «Старые кадры» из «низов», 3) «Новые кадры».

Такое происхождение и деление в принципе было характерно для всей большевистской партийно-советской номенклатуры. Первый и второй типы номенклатуры различались своим происхождением (интеллигентским и «рабоче-крестьянским») и, как следствие, – двумя отличными друг от друга образами мышления и стилями политического поведения. Если функционеры первого типа все же пытались каким-то образом учитывать национальные интересы своего народа, проявляли по отношению к нему некоторый гуманизм, то кадры из «низов», как правило, были фанатично преданы режиму, во имя «светлого будущего» самым жестоким образом подавляли свой народ, слепо проводя в жизнь все установки «сверху».

Центральной власти некоторое время было выгодно иметь внутри партийно-советской номенклатуры две соперничавшие группировки. В зависимости от характера решавшихся задач, она инициировала приход к власти либо одной, либо другой группировки. Как правило «кадры из низов» реализовывали утопические идеи большевизма: политику военного коммунизма, коллективизацию и подобные мероприятия. Функционеры из интеллигенции в большинстве случаев ликвидировали катастрофические последствия большевистских авантюр (наиболее ярко это проявилось в первые годы нэпа).

В 1937–1938 гг. Сталин и его ближайшее окружение, проведя кардинальную чистку своего «аппарата», освободились как от номенклатуры из интеллигенции, так и «из низов». На смену им пришли молодые выдвиженцы, основу мышления и действия которых со-

ставлял уже не ленинский большевизм, а сталинизм – его наиболее примитивная и антигуманная интерпретация. Для быстро взлетевших наверх «новых кадров» были характерны беспредельные благодарность и преданность своему вождю. Они «верой и правдой» проводили в Немреспублике политику ВКП(б), однако им помешала война, сделавшая проект «немецкой социалистической республики на Волге» ненужным, а следовательно – бесполезными стали и кадры, работавшие на него.

На примере судьбы партийно-советской номенклатуры Республики Немцев Поволжья довольно четко просматривается цинизм высшего руководства партии и государства, для которого нижестоящая партийно-государственная номенклатура, в том числе и национальная, представлялась лишь механическим инструментом для реализации своих целей. Как только инструмент устаревал или становился ненужным, с ним быстро и безжалостно расставались.

Примечания
Notes

[1] Государственный архив новейшей истории Саратовской области (ГАНИСО). Ф. 1. Оп. 1. Д. 96. Л. 9; Государственного исторический архив немцев Поволжья в г. Энгельсе (ГИАНП)). Ф. 730. Оп. 1 д/п. Д. 23. Л. 187.

[2] ГИАНП. Ф. 730. Оп. 1 д/п. Д. 23. л. 187; *Fitz A., Sidorkin W.* Der wiedergewonnete Name // Neues Leben (Moskau). 1988. 22 Juni.

[3] ГИАНП. Ф. 730. Оп. 1 д/п. Д. 23. Л. 187.

[4] *Герман А.А.* Немецкая автономия на Волге, 1918 – 1941. Москва, 2007. С. 21–38.

[5] *Герман А.А.* Исторический феномен Республики немцев Поволжья (1818 – 1941 гг.) // Российская история. 2012. № 4. С. 29, 30.

[6] ГАНИСО. Ф. 1. Оп. 1. Д. 100. Л. 85.

[7] ГАНИСО. Ф. 1. Оп. 1. Д. 6. Л. 124–127.

[8] ГАНИСО. Ф. 1. Оп. 1. Д. 6. Л. 144, 224, 225; Д. 20. Л. 80, 306, 308; Д. 22. Л. 92об.; Д. 28. Л. 127–132.

[9] ГАНИСО. Ф. 1. Оп. 1. Д. 20. Л. 148, 154, 165, 167, 191, 196, 199.

[10] ГАНИСО. Ф. 1. Оп. 1. Д. 4. Ч. 1. Л. 17; Д. 6. Л. 363; Д. 29. Л. 177об., 178, 185, 187; Д. 38и. Л. 237; Д. 45. Л. 159, 185; Д. 87. Л. 236; Д. 100. Л. 38, 85, 120, 127, 222.

[11] *Герман А.А.* Немецкая автономия на Волге, 1918 – 1941. 2-е изд. Москва, 2007. С. 159–162.

[12] ГАНИСО. Ф. 1. Оп. 1. Д. 28. Л. 55.

[13] *Герман А.А.* Из истории крестьянского сопротивления коллективизации в Саратовском Поволжье // Известия Саратовского университета. Новая серия. Серия: История. Международные отношения. 2017. Т. 17. № 3. С. 408, 412–414.

[14] *Герман А.А.* Большевистская власть и Немецкая автономия на Волге (1918 – 1941). Саратов, 2004. С. 214.

[15] ГАНИСО. Ф. 1. Оп. 1. Д. 1573. С. 11–29.

[16] ГАНИСО. Ф. 1. Оп. 1. Д. 2744. Л. 66. Письмо опубликовано: *Герман А.А.* Немецкая автономия на Волге, 1918 – 1941. Ч. 2. Саратов, 1994. С. 165.

[17] ГАНИСО. Ф. 1. Оп. 1. Д. 1670. Л. 252; Д. 1744. Л. 49–59; Д. 1802. Л. 65–72, 73–75.

[18] ГАНИСО. Ф. 1. Оп 1. Д. 3071. Л. 17–24, 222–223; Ф. 5094. Оп. 1. Д. 922. Л. 14–21.

[19] *Герман А.А.* Большевистская власть и немецкая автономия на Волге (1918 – 1941). Саратов, 2004. С. 262, 263.

[20] ГАНИСО. Ф. 1. Оп. 1. Д. 3796а. Л. 73, 75, 76, 77, 83–84; Д. 3819. Оп. 1. Л. 342; Д. 3820. Л. 3; Д. 3867. Л. 2; Д. 3943. Л. 1–3.

[21] *Герман А.А.* Портрет советского немца-трудармейца времен Великой Отечественной войны // Известия Саратовского университета. Новая серия. Серия «История. Международные отношения». 2020. Т. 20. № 2. С. 172–181.

[22] Российский государственный архив социально-политической истории (РГАСПИ). Ф. 17. Оп. 88. Д. 61. Л. 6.

[23] Государственный архив Российской Федерации (ГА РФ). Ф. 9479. Оп. 1. Д. 83. Л. 175–176.

[24] *Бауэр В.А., Иларионова Т.С.* Российские немцы: Право на надежду: К истории национального движения народа. Москва, 1995. С. 40–52.

Автор, аннотация, ключевые слова

Герман Аркадий Адольфович – докт. ист. наук, профессор, Саратовский национальный исследовательский государственный университет имени Н.Г. Чернышевского (Саратов)

ORCID ID: 0000-0001-7571-7645

a.a.german@mail.ru

Статья представляет собой обобщенное изложение содержания и итогов проведенного автором научного исследования партийно-советской номенклатуры АССР немцев Поволжья. В ходе исследования были изучены происхождение, образование, мировоззрение, личностные качества, деятельность значительного числа партийно-советских функционеров немецкой автономии. Исследование опиралось на обширный массив документальных источников.

В статье впервые описаны сформированные автором интегрированные образы трех типов правившей в АССР немцев Поволжья номенклатуры. Первый тип – выходцы из интеллигенции, как правило, с дореволюционным опытом социал-демократической работы, сторонники классического марксизма, хоть и заразившиеся им, но способные более или менее адекватно оценивать ситуацию в обществе, настроения людей, степень их возможностей реализовывать коммунистические установки на практике. Второй тип – выходцы из «низов», втянувшиеся в революционную практику в

ходе Гражданской войны, знавшие и догматически воспринимавшие лишь азы марксизма, фанатично готовые на все во имя «светлого будущего», не задумываясь о последствиях своих действий. Третий тип – молодые кадры, сформированные уже советской эпохой к концу 1930-х гг., воспринявшие идеи сталинского социализма как религию, лично преданные вождю. Прослеживая судьбу всех типов номенклатуры, автор приходит к выводу, что первый тип преобладал до конца 1920-х гг. В годы «Великого перелома» его оттеснили от власти кадры второго типа. Почти вся номенклатура первого и второго типов была уничтожена в 1937–1938 гг. Им на смену пришла молодая номенклатура третьего типа. Ее административное «уничтожение» произошло в период депортации немцев из Поволжья. В дальнейшем она разделили судьбу своего народа.

Российские немцы, Республика Немцев Поволжья, Гражданская война, новая экономическая политика, коллективизация, партия большевиков, партийная бюрократия, сталинский режим, сталинский террор.

References
(Articles from Scientific Journals)

1. German, A.A. Iz istorii krestyyanskogo soprotivleniya kollektivizatsii v Saratovskom Povolzhye [From the History of Peasant Resistance to Collectivization in the Volga Region of Saratov.] *Izvestiya Saratovskogo universiteta. Novaya seriya. Seriya: Istoriya. Mezhdunarodnye otnosheniya,* 2017, vol. 17, no. 3, pp. 407–416. (In Russian).

2. German, A.A. Istoricheskiy fenomen Respubliki nemtsev Povolzhyya [Historical Phenomenon of the Volga German Republic.] *Rossiyskaya istoriya,* 2012, no 4, pp. 27–46. (In Russian).

3. German, A.A. Portret sovetskogo nemtsa-trudarmeytsa vremen Velikoy Otechestvennoy voyny [Portrait of a Soviet German-Labor Army Serviceman of the Great Patriotic War Time.] *Izvestiya Saratovskogo universiteta. Novaya seriya. Seriya: Istoriya. Mezhdunarodnye otnosheniya*, 2020, vol. 20, no. 2. pp. 172–181. (In Russian).

(Monographs)

4. Bauer, V.A. and Ilarionova, T.S. Rossiyskiye nemtsy: Pravo na nadezhdu: K istorii natsionalnogo dvizheniya naroda [Russian Germans: The Right to Hope: Towards the History of the National Movement of a People.]. Moscow, 1995, 457 p. (In Russian).

5. German, A.A. Bolshevistskaya vlast i Nemetskaya avtonomiya na Volge (1918 – 1941) [Bolshevik Power and German Autonomy on the Volga River (1918 – 1941).]. Saratov, 2004, 520 p. (In Russian).

6. German A.A. Nemetskaya avtonomiya na Volge, 1918 – 1941 [German Autonomy on the Volga River, 1918 – 1941.]. Part 2. Saratov, 1994, 416 p. (In Russian).

7. German, A.A. Nemetskaya avtonomiya na Volge, 1918 – 1941 [German Autonomy on the Volga River, 1918 – 1941]. 2nd ed. Moscow, 2007, 576 p. (In Russian).

Author, Abstract, Key words

Arkadiy A. German – Doctor of History, Professor, Saratov State University (Saratov, Russia).
ORCID ID: 0000-0001-7571-7645
a.a.german@mail.ru

The article is a summary of the content and results of the author's research into the party-Soviet nomenclature of the Volga German Autonomous Soviet Socialist Republic. In the course of the study, the origin, education, worldview, personal qualities, and activities of a significant number of the German Autonomy party Soviet functionaries were analyzed. The study was based on a wide array of documentary sources.

The author is the first to identify three types of integrated images of the nomenclature that ruled the Volga Germans in the Autonomous Soviet Socialist Republic. The first type comes from the intellectuals, as a rule, with pre-revolutionary experience in social democratic work and supporters of classical Marxism, although infected with it, but able to more or less adequately assess the situation in society, the mood of people, and the degree of their ability to implement communist attitudes in practice. The second type is people from the "lower classes" who got involved in revolutionary practice during the Civil War, who knew and dogmatically perceived only the basics of Marxism and were fanatically ready to do anything for "brighter future", without thinking about the consequences of their actions. The third type is young personnel, formed in the Soviet time by the end of the 1930s. They perceived the ideas of Stalinist socialism as religion and were personally loyal to the leader. Having traced the fate of all the types of nomenclature, the author comes to the conclusion that the first type prevailed until the end of the 1920s. During the years of the "Great Turning Point" it was ousted from power by those who belonged to the second type. Almost all the nomenclature of the first and second types was destroyed in 1937–1938. They were replaced by the young nomenclature of the third type. Its administrative "destruction" took place during the deportation of the Germans from the Volga Region. Eventually, they shared the fate of their people.

Russian Germans, Volga German Republic, Russian Civil War, New Economic Policy (NEP), collectivization, Bolshevik Party, party bureaucracy, Stalinist regime, Stalinist terror.